

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022

**УПК РСФСР 1922 ГОДА —
ПЕРВЫЙ КОДИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
(К 100-ЛЕТИЮ С МОМЕНТА ПРИНЯТИЯ)**

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, принятого в рамках известной судебной реформы 1922 г., обусловленной постепенным выходом Советской России из постреволюционного кризиса и возникновением более устойчивых форм и методов государственного управления.

В статье анализируются обстоятельства, сопутствующие принятию Уголовно-процессуального кодекса, в частности, изученные автором архивные материалы. Кроме того, проводится оценка Кодекса на предмет соответствия признакам, присущим классической кодификации, а также раскрывается его значение для последующего развития уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: история уголовного процесса; источники уголовно-процессуального права; судебная реформа 1922 года; уголовная юстиция; Уголовно-процессуальный кодекс 1922 года.

Для цитирования: Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года — первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — Т. 23 — № 3. — С. 229—238. DOI: 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022

**CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RSFSR OF 1922 —
THE FIRST CODIFIED SOURCE
OF SOVIET CRIMINAL PROCEDURE LAW
(THE 100TH ANNIVERSARY OF ADOPTION)**

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the first Code of Criminal Procedure of the RSFSR, which was adopted during the well-known judicial reform of 1922. The reform was due to the gradual recovery of Soviet Russia from the crisis after the revolution and the emergence of more sustainable forms and methods of public administration.

The article analyzes the circumstances that accompanied the adoption of the Code of Criminal Procedure, in particular the archival materials discovered by the author. In addition, the Code is evaluated for compliance with the features that are inherent

in classical codification. It also reveals its significance for the subsequent development of criminal justice.

Key words: history of criminal process; sources of criminal procedure law; the judicial reform of 1922; criminal justice; Criminal Procedure Code of 1922.

For citation: Rossinsky S.B. UPK RSFSR 1922 goda – pervyj kodifitsirovannyj istochnik sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava (k 100-letiju s momenta prinjatija) [Code of criminal procedure of the RSFSR of 1922 – the first codified source of soviet criminal procedure law (the 100th anniversary of adoption)]. *Kriminalistika: vchera, segodnja, zavtra* — Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022, vol. 23, no. 3, pp. 229—238. (in Russ.) DOI: 10.55001/2587-9820.2022.80.35.022

Введение

В 2022 году отмечается столетний юбилей первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР)¹, предопределившего вектор дальнейшего развития национальной системы органов уголовной юстиции и механизмов досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Принятие Кодекса стало одной из «реперных точек» известной судебной реформы 1922 г., обусловленной завершением гражданской войны, переходом Советской России к мирной жизни, новой экономической политикой и многими другими факторами, сопутствующими постепенному выходу из постреволюционного кризиса, восстановлению народного хозяйства и возникновению более устойчивых форм и методов государственного управления. К этому времени экстренно введенные, явно не рассчитанные на продолжительный период действия, неоднократно меняемые и корректируемые «декретные» правила уголовного и квазипроцессуального судопроизводства стали представлять уже не соответствующими реальным потребностям начинающего

оправляться от социально-политических и экономических потрясений советского общества [1, с. 49]. Тем более, что, будучи достаточно эффективными для обеспечения хотя бы некоего подобия правопорядка в самые первые месяцы и годы формирования советской государственности, подобные меры одновременно привели к отрицанию закона, к властной вседозволенности и судебному произволу. В отсутствие правовой определенности, урегулированности большинства правоотношений, возникающих в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных и квазипроцессуальных дел, многие используемые в правоприменительной практике методы и приемы работы учрежденных советской властью народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий, милиции, ВЧК и др. фактически превращали уголовное судопроизводство в профанацию, приводили к абсолютному обесцениванию высокого смысла процессуальной формы, полному игнорированию каких-либо процессуальных гарантий доброкачественности получаемых результатов.

К тому же ввиду вызванного понятными причинами кадрового голода, то есть отсутствия достаточного количества квалифицированных юристов, судебные и правоохранительные органы стали вынужденно комплек-

¹ Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

товаться за счет идеологически преданных советской власти субъектов — тех самых пресловутых рабочих, солдат, матросов и т.п., не имеющих должных правовых знаний, не располагающих соответствующими умениями и навыками, не обладающих необходимыми для правоприменителей правовой культурой, правосознанием, правопониманием и другими должными качествами. Так, по официальным статистическим данным за 1921 г., только 17% судей имели высшее юридическое и еще 10% — среднее образование, тогда как 66% судей имели лишь начальное образование, а еще 6% — вообще не имели никакого [2, с. 146—147]. Очевидно, что при подобных обстоятельствах приговоры судов просто не могли отвечать элементарным требованиям законности, обоснованности, справедливости, по крайней мере, в их классическом понимании.

Поэтому советское руководство было вынуждено признать всю порочность существовавшей судебной следственной практики, мало чем отличавшейся от полного беззакония [2, с. 145]. В частности, В.И. Ленин, выступая на состоявшемся в марте 1921 г. X съезде РКП(б), указал на безальтернативность принятия в первые годы советской власти ряда государственно-управленческих мер военного времени. Вместе с тем он обратил внимание на ошибочность позиции, предполагающей понимание этих мер как единственно возможных для социалистического общества, указал на неприемлемость их дальнейшего использования для обеспечения законности и правопорядка [3, с. 24]. Появилась потребность в «реабилитации» традиционной правовой доктрины и свойственных для цивилизованного мира правовых ценностей, в восстановлении многих классиче-

ских правовых норм, отраслей, институтов. Возникли предпосылки для воссоздания понятия «закон» и категории «законность» [4, с. 2; 5, с. 47—51; 6, с. 5—8]. Указанные причины в своей совокупности дали импульс для больших изменений в сфере раннесоветского уголовно-процессуального права, а по сути — для формирования еще не существующей полноценной системы советского уголовного судопроизводства.

Основная часть

В истории государства и права УПК РСФСР обычно позиционируется как некая данность — ученые ограничивались и продолжают ограничиваться лишь констатацией самого факта принятия данного законодательного акта, а также краткой характеристикой его содержания [1, с. 51; 7, 113—114; 8, с. 156—158 и др.]. Тогда как обстоятельства, сопутствующие подготовке и обсуждению проекта первого УПК РСФСР, остаются неизвестными.

Вместе с тем подобный историко-правовой вакуум далеко не случаен. К великому сожалению, в силу не вполне понятных причин практически не сохранилось каких-либо сведений и документов, позволяющих хотя бы частично реконструировать эти обстоятельства. В частности, указанные вопросы толком не освещались в издававшихся на тот период немногочисленных журналах юридической направленности, не были охарактеризованы в доступных на сегодняшний день воспоминаниях и мемуарах современников тех событий, не нашли отражение в опубликованных в 1920-х гг. научных работах по уголовному процессу и т.д. Для сравнения, принятому в то же самое время первому Уголовному кодексу РСФСР, «повезло» значительно больше: сохранились много-

численные публикации и прочие сведения, свидетельствующие о достаточно оживленных дискуссиях и спорах, ведущихся в данном сегменте раннесоветского правотворчества; современным исследователям даже доступны некоторые из существовавших рабочих проектов документа.

Однако утверждать о полном отсутствии информации об обстоятельствах подготовки и принятия УПК РСФСР все же не приходится: некоторые подобные, хотя и весьма скудные, сведения можно обнаружить в Государственном архиве РФ. Из сохранившихся документов, в частности, следует, что 1 февраля 1922 г. Наркомюстом в целях разработки кодифицированного источника советского уголовно-процессуального права была создана специальная комиссия в составе председателя Н.В. Крыленко и двух членов: П.А. Красикова и Н.А. Черлюнчакевича; комиссии предписывалось закончить свою работу до 20 февраля 1922 г.² Вместе с тем комиссия, по всей вероятности, функционировала значительно дольше, поскольку разработанный законопроект был впервые рассмотрен коллегией Наркомюста лишь 22 марта 1922 г., а также обсуждался на последующих заседаниях коллегии, проведенных 5 и 19 апреля 1922 г.³, после чего в окончательном варианте был передан в аппарат ВЦИК⁴.

² См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 136.

³ См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 143–145.

⁴ К сожалению, обнаруженные в Государственном архиве РФ протоколы заседаний коллегии Наркомюста подтверждают лишь сами факты рассмотрения указанных

Каких-либо иных, более подробных, сведений о подготовке проекта УПК РСФСР обнаружить не удалось! В частности, остаются непонятными причины, повлиявшие на выбор не свойственного для национальных правовых традиций названия принимаемого нормативно-правового акта — не «Устав», не «Уложение», а именно «Кодекс». Конечно, можно предположить, что авторы законопроекта намеревались окончательно покончить с «дореволюционным прошлым» и объявить всему миру о зарождении принципиально новых традиций советского законотворчества. Собственно говоря, такого результата они в конечном счете и добились. Однако почему выбор законодателя остановился на заимствованном из «враждебной», идеологически неприемлемой, западноевропейской доктрины и, следовательно, имеющем еще более негативный оттенок термине «кодекс» (от лат. «codex» — книга и фр. «code» — закон, свод правил, кодекс)? Видимо, исследователи так и не смогут получить четкий ответ на данный вопрос и поэтому будут ограничиваться лишь различными гипотезами. Кстати, одна из таких версий вполне может состоять и в том, что должностных лиц, ответственных за подготовку проекта УПК РСФСР (равно, как и всех иных готовившихся кодексов), вообще не слишком заботило название будущего документа, либо они окончательно запутались в выборе подходящего термина. По крайней мере, подобное предположение вытекает из содержания протокола вышеупо-

вопросов, но не позволяют реконструировать содержание высказывавшихся позиций и, возможно, имевшей место полемики: подробные стенограммы этих заседаний либо не велись, либо не сохранились.

мянутого заседания коллегии Наркомюста от 1 февраля 1922 г.: в повестке заседания соответствующий вопрос именовался «О разработке процессуальных кодексов», тогда как в резолютивной части протокола было указано «Для разработки Устава уголовного судопроизводства (!) образовать комиссию...»⁵.

Итак, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 г. на очередном заседании III Сессии ВЦИК девятого созыва и введен в действие с 1 июля 1922 г.⁶ В отличие от предыдущих нормативных документов ВЦИК, Совнаркома, Наркомюста и других органов советской власти, устанавливающих те или иные условия и процедуры предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, это был первый подлинно кодифицированный и надлежащим образом систематизированный законодательный акт, определяющий порядок уголовного судопроизводства Советской России [7, с. 113]. В частности, он характеризовался присущими полноценной кодификации «эффектом разрыва», «эффектом кристаллизации», «эффектом полноты» и «эффектом оценки».

«Эффект разрыва», обусловленный необходимостью решения стоящих перед кодификацией социально-правовых задач, возникающих на последнем этапе общественно-политического кризиса, и поэтому предполагающий ликвидацию старого юридического порядка

и порождение нового [9, с. 147], выразился в принятии «на вооружение» вытекающей из УПК РСФСР принципиально иной парадигмы уголовного судопроизводства. Кодекс формально легализовал отречение от прежней доктрины, бесповторный отказ от имперского уголовно-процессуального законодательства, соответствующей правоприменительной практики и одновременно ознаменовал начало новой, советской, эпохи развития уголовной юстиции, предопределенной другими социальными ценностями и идеологическими установками. Поэтому именно со вступления в действие УПК РСФСР и принято исчислять «новейшую» историю отечественного уголовного процесса.

«Эффект кристаллизации», делающий Кодекс «символом остановленного времени», предполагающий «израсходование всей правотворческой энергии» в соответствующей отрасли, на долгие годы лишавший государство потребности в проведении очередных преобразований законодательства [9, с. 154], выразился в стабильности и устойчивости большинства предусмотренных УПК РСФСР норм и институтов: многие из них практически в неизменном виде просуществовали до следующей реформы уголовного судопроизводства, проведенной на рубеже 1950-х—1960-х гг., а некоторые сохранились вплоть до настоящего времени. Правда, «эффект кристаллизации» был присущ УПК РСФСР с определенной долей условности, поскольку сугубо формально Кодекс просуществовал всего несколько месяцев⁷ — уже в феврале

⁵ См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 136.

⁶ В этой связи весьма примечательно и даже символично, что современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ был введен в действие ровно через 80 лет (!) — с 1 июля 2002 г.

⁷ В реальности УПК РСФСР 1922 г. просуществовал намного дольше и был формально отменен лишь в 1928 г. (постановление

1923 г. был принят новый, а точнее обновленный Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК РСФСР 1923 г.)⁸. Вместе с тем новый Кодекс не предполагал каких-либо существенных изменений и отличался от своего предшественника всего несколькими «штрихами», обусловленными незавершенностью формирования советской государственности в целом и органов уголовной юстиции в частности. В первую очередь, в нем отразились изменения, обусловленные Положением о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г.⁹, принятым несколько позднее первого УПК РСФСР, например, исключена возможность рассмотрения уголовных дел революционными трибуналами и судом в составе народного судьи и шести народных заседателей. В целом же установленный первым УПК РСФСР порядок уголовного судопроизводства остался практически неизменным и с учетом нескольких незначительных изменений продолжал использоваться в течение почти 40 последующих лет.

И в этой связи возникает закономерный, хотя и выходящий за предмет настоящей статьи вопрос: с какой целью законодатель в начале

1923 г., намереваясь внести лишь «точечные» изменения в появившийся всего несколько месяцев назад УПК РСФСР, решился на принятие формально нового кодифицированного законодательного акта в сфере уголовного судопроизводства? К сожалению, ответ на данный вопрос нельзя получить ни из одного доступного источника, а ученые-процессуалисты всегда старались аккуратно обойти этот нюанс, не заостряя на нем излишнего внимания. Напрашиваются лишь две более или менее приемлемые гипотезы. Во-первых, подобный правотворческий шаг мог быть обусловлен банальным отсутствием у советского законодателя правотворческого опыта и (или) правотворческой культуры: ответственные за уголовно-процессуальную политику должностные лица могли просто не осознавать возможность внесения в кодифицированный нормативно-правовой акт каких-либо текущих поправок или, что вероятнее, не представлять порядок проведения соответствующей процедуры. Во-вторых, нельзя игнорировать и тот факт, что 30 декабря 1922 г. было образовано новое государство — Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Поэтому если первый УПК РСФСР принимался как закон полностью автономной и независимой страны, то УПК РСФСР 1923 г. — как закон союзной республики в составе общей федерации.

Верна ли хотя бы одна из указанных гипотез или они обе ошибочны, в сущности, не так уж и важно. Гораздо важнее другое — то, что первый УПК РСФСР и УПК РСФСР 1923 г. уже давно перестали представляться как два самостоятельных Кодекса; в настоящее время они воспринимаются как некий единый феномен, как две редакции од-

ВЦИК, СНК РСФСР от 25 января 1928 г. «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // Документ опубликован не был). Однако его фактическое применение было завершено именно с момента вступления в силу УПК РСФСР 1923 г.

⁸ Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁹ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

ного и того же законодательного акта, регламентирующего порядок раннесоветского уголовного судопроизводства.

Так, «эффект полноты», выраженный в самодостаточности кодифицированного законодательного акта, в его укомплектованности всеми необходимыми для соответствующей отрасли права предписаниями, дозволениями, запретами и др., в отсутствие необходимости обращения к иным, как бы «внешним», источникам [9, с. 167], был присущ правотворческой политике в сфере уголовного судопроизводства еще со времени принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (УУС). Эти же подходы были полностью восприняты раннесоветским законодателем, стремившимся сохранить наиболее прогрессивные традиции национального правотворчества, но с учетом надлежащей адаптации к новым социально-политическим реалиям и новым условиям развития советской государственности.

Кстати, в отличие от более поздних кодифицированных источников уголовно-процессуального права, в частности, от действующего УПК РФ, первый УПК РСФСР содержал достаточно мало бланкетных положений, предполагающих потребность постоянного обращения правоприменителей к иным законодательным актам. Таковыми в силу понятных причин были преимущественно правовые гипотезы, обусловленные тяжестью инкриминируемого преступления и поэтому отсылающие к нормам уголовного закона (ст. 10, 26, 28, 406 УПК РСФСР и др.), и некоторые другие положения, подразумевающие потребность в издании специальных подзаконных нормативных правовых актов, например,

инструкций Наркомюста о размерах вознаграждений участвующим в уголовных делах переводчикам (ст. 76 УПК РСФСР).

«Эффект оценки», предполагающий признание системы включённых в кодекс правовых норм обладающей большей значимостью по сравнению с простой совокупностью некодифицированных положений, в частности, превращающей соответствующую правовую материю в некую автономную [9, с. 159—160], также стал следствием преемственности УПК РСФСР по отношению к УУС как первому кодифицированному и автономному источнику уголовно-процессуального права. И в этой связи стоит напомнить, что действовавший до судебной реформы 1864 г. архаичный 15-й том Свода законов Российской империи являлся лишь попыткой кодификации национального законодательства в области уголовной юстиции, а по сути представлял собой именно совокупность достаточно разрозненных и зачастую не согласованных друг с другом положений материального и процессуального права, объединённых в общий правовой «фолиант». Тогда как УПК РСФСР, напротив, подразумевал существование самостоятельной отрасли права, был автономным законодательным актом, содержащим хорошо систематизированную и находящуюся в достаточно удобном для изучения и использования порядке совокупность правовых норм, определяющих порядок производства по уголовным делам. Кстати, структура первого советского Кодекса тоже имела весьма высокую степень преемственности по отношению к УУС.

Так, УПК РСФСР включал 32 главы, объединённые в шесть отделов (частей). Первый отдел посвящался наиболее общим вопросам осуществления уголовно-процессуальной

деятельности. Он содержал правовые положения, определяющие взаимосвязь уголовного процесса с уголовным правом, устанавливающие основные нормы-дефиниции, регламентирующие принципы уголовного судопроизводства, состав суда и правила подсудности, основы доказательственного права, а также порядок составления следственных и судебных протоколов, исчисления процессуальных сроков и взыскания судебных издержек. Второй отдел охватывал вопросы досудебного производства. В него включались нормы, предусматривающие порядок возбуждения производства по уголовному делу и осуществления «полицейского» дознания, общие требования, предъявляемые к предварительному следствию, а также правила проведения следственных действий, принятия процессуальных решений, привлечения в качестве обвиняемого, приостановления и окончания предварительного расследования. Третий раздел касался производства в суде первой инстанции. Его содержание сводилось к требованиям, предъявляемым к проведению распорядительных заседаний и судебных заседаний, направленным на рассмотрение уголовных дел по существу, включая регламентацию судебного следствия, прений сторон, последнего слова подсудимого и в особенности постановления приговора. Кроме того, в данный раздел включались правовые положения, определяющие порядок кассационного и надзорного обжалования приговоров и определений суда, рассмотрения частных жалоб, возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, а также правила проведения особых производств (постановления заочных приговоров, рассмотрения дел в дежурных каме-

рах, в особых сессиях народных судов и в порядке судебного приказа). Четвёртый раздел посвящался особенностям производства в трибуналах, а пятый раздел — производству в порядке высшего судебного контроля Наркомюста. И наконец, шестой раздел регламентировал порядок исполнения приговоров.

Выводы и заключение

Итак, УПК РСФСР ознаменовал начало «новой» истории отечественного уголовного судопроизводства, став предтечей последующих кодифицированных актов в данном сегменте правового регулирования. Одновременно с его принятием возникло и множество достаточно противоречивых тенденций, присущих всему дальнейшему развитию уголовно-процессуальных правоотношений и сохраняющихся вплоть до настоящего времени. Например, именно в связи с принятием УПК РФ зародилась весьма негативная тенденция, направленная на гиперформализацию уголовно-процессуального права, выражающаяся в стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем этого требует здравый смысл, и постепенно превращающаяся уголовно-процессуальный закон в пошаговую инструкцию, в «памятку» для безграмотных правоприменителей [10, с. 42—46]. Кстати, на эту особенность УПК РСФСР обращалось внимание сразу после его принятия. В частности, А.Е. Лисицын, один из современников тех событий, писал об излишней бюрократизации уголовного процесса, приводящей к увеличению нагрузки на судей и сказывающейся на качестве рассмотрения соответствующих дел.

В этой связи автор предлагал сократить количество предусмотренных УПК РСФСР судебных протоколов, заменив некоторые из них короткими резолюциями [11, с. 2].

Вместе с тем УПК РСФСР в целом возымел весьма положительный эффект, поскольку, сохранив многие традиции национального правотворчества, одновременно покончил с рядом пережитков, присущих уго-

ловной юстиции Российской империи, а также predetermined многолетний вектор дальнейшего развития советского и даже в какой-то части постсоветского уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, УПК РСФСР можно расценивать как один из правовых памятников уголовно-процессуального права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. — М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1927. — 222 с.
2. Шипилов А.В. Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.): дис. ... канд. истор. Наук / А.В. Шипилов. — Краснодар: Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления, 2006. — 217 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. — Т. 43. Март — июнь. 1921 / В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1970. — 561 с.
4. Бранденбургский Я.Н. Просто законность или революционная законность? / Я.Н. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. — 1922. — № 31/32. — С. 1—2.
5. Крыленко Н.В. О философских выступлениях т. Солнца на тему о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и его практических по этому поводу предложениях / Н.В. Крыленко // Статьи о революционной законности / Н.В. Крыленко, В.И. Яхонтов. — М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1926. С. 46—60.
6. Трайнин А.Н. О революционной законности / А.Н. Трайнин // Право и жизнь. — 1922. — № 1. — С. 5—8.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — Т.1 / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
8. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. — М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. — 624 с.
9. Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. — М.: Статут, 2007. — 476 с.
10. Россинский С.Б. УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42—46.
11. Лисицын А.Е. Нужно упростить судопроизводство / А.Е. Лисицын // Еженедельник советской юстиции. — 1922. — № 43. — С. 1—2.

REFERENCES

1. Vyshinsky A.Ya. Kurs ugolovnoho processa [Course of criminal procedure]. M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927, 222 p. (in Russian).

2. Shipilov A.V. Revoljucionnaja zakonnost' i stanovlenie sovetskoj justicii (1917–1922 gg.): dis. ... kand. istor. nauk. [Revolutionary legality and the formation of Soviet justice (1917-1922): dis. ... cand. history of sciences]. Krasnodar: Institute of International Law, Economics, Humanities and Management, 2006, 217 p. (in Russian).

3. Lenin V.I. Complete works. 5th ed., Vol. 43. March ~ June, 1921, Moscow: Politizdat, 1970, 561 p. (in Russian).

4. Brandenbursky Ya.N. Prosto zakonnost' ili revoljucionnaja zakonnost'? [Just legality or revolutionary legality?]. Ezhenedel'nik sovetskoj justicii – Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 31/32, pp. 1–2. (in Russian).

5. Krylenko N.V. O filosofskih vystuplenijah t. Sol'ca na temu o «revoljucionnoj zakonnosti», o «starom» i «novom» prave i ego prakticheskikh po jetomu povodu predlozhenijah [On the philosophical speeches of T. Solts on the topic of “revolutionary legality”, on “old” and “new” law and its practical proposals on this subject]. Stat'i o revoljucionnoj zakonnosti – Articles on revolutionary legality. M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1926. pp. 46–60. (in Russian).

6. Trainin A.N. O revoljucionnoj zakonnosti [On revolutionary legality]. Pravo i zhizn' – Law and life, 1922, no. 1, pp. 5–8. (in Russian).

7. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogogo processa [Course of the Soviet criminal process]. M.: Nauka, 1968, Vol.1, 470 p. (in Russian).

8. Cheltsov M.A. Ugolovnyj process [Criminal trial]. M.: Legal Publishing of the Ministry of Justice of the USSR, 1948, 624 p. (in Russian).

9. Kabriak R. Kodifikacii [Codifications]. M.: Statut, 2007, 476 p. (in Russian).

10. Rossinsky S.B. UPK RF: voploshhenie «vysokogo» prednaznachenija ugolovno-processual'noj formy ili «pamjatka» dlja bezgramotnyh pravoprimenitelej? [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedure form or a “memo” for illiterate law enforcement officers?]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021, no. 6, pp. 42–46. (in Russian).

11. Lisitsyn A. E. Nuzhno uprostit' sudoproizvodstvo [It is necessary to simplify legal proceedings]. Ezhenedel'nik sovetskoj justicii —Weekly of Soviet Justice. 1922, no. 43, pp. 1-2. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, st. Znamenka, Moscow, Russia, 664071.